

Композитор Юрий Каспаров — в интервью «Газете»

«Любая опера — исключительно непрактичная вещь»

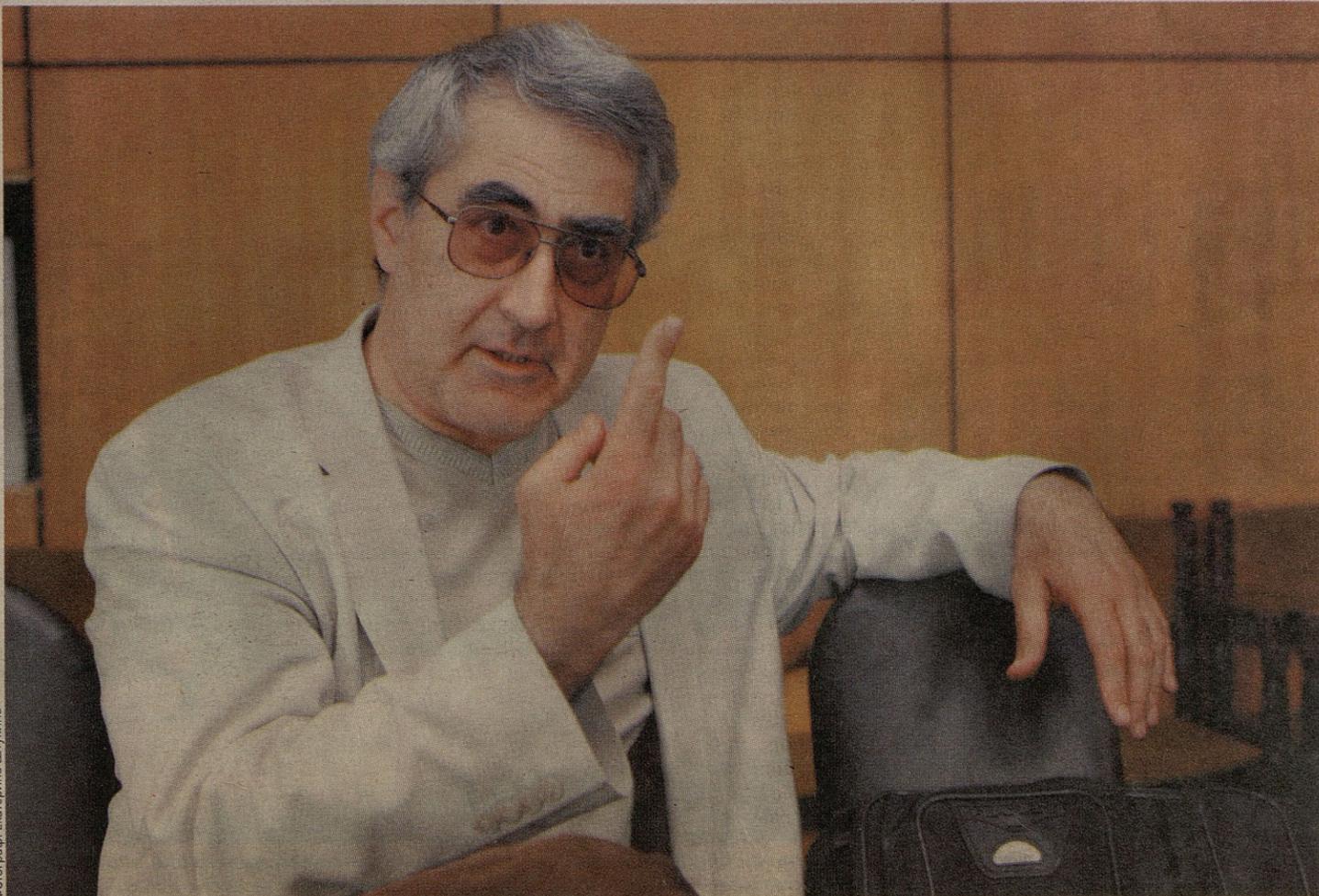
В ближайшие субботу и воскресенье на сцене Государственного Академического Камерного музыкального театра под руководством Бориса Покровского будут впервые показаны две одноактные оперы наших современников: «Ворон» Юрия Каспарова и «В ожидании...» Фараджа Караева. Оба сочинения написаны более десяти лет назад, однако до сих пор не ставились ни в России, ни за рубежом. О путях современной оперы к слушателю с Юрием Каспаровым побеседовал корреспондент «Газеты» Илья Овчинников.

Юрий Сергеевич, когда были написаны эти две оперы и почему их ставят только сегодня?

Я свою оперу написал в 1993 году. Фарадж Караев написал свою немного раньше, ее фрагменты когда-то исполнялись в зале Чайковского на первоапрельском концерте «Музыканты шутят». Я там не был, но Фарадж мне потом говорил, что это оказалось совершенно не к месту. Моя опера звучала в концертном исполнении на «Московской осени», за рубежом — никогда; на одном из моих дисков есть увертюра к этой опере, записанная нашим ансамблем. Тогда исполнение состоялось лишь благодаря Василию Савенко — украинскому певцу, живущему в Англии, он большой энтузиаст современной музыки. Наши две оперы мы хотели поставить еще в девяностые, именно парой. Но тогда нам с Фараджем это не удалось, все упиралось в деньги; так что настоящая премьера состоится только сейчас.

Опера Караева тоже никогда не шла?

Тоже нет, и вот почему. Любая опера, даже камерная — исключительно непрактичная вещь. Поставить ее даже в концертном исполнении очень сложно. И та же «Московская осень» не слишком это привлекательна. В основе моего сочинения — полный текст «Ворона» Эдгара По в переводе Михаила Зенкевича: моноопера для баритона и семнадцати исполнителей. Это не был заказ, я сочинял по велению души. У меня еще в детстве была мечта написать такую оперу, и в техническом вузе, когда я не знал, что позже буду учиться в консерватории... Текст знал наизусть и часто повторял его, ездя в метро. Когда я писал оперу, то понимал, что ее, наверное, никогда не поставят. В партитуре выписана вся режиссура: ансамбль должен находиться на сцене, декораций почти не требуется, кроме одной — это кресло, в котором сидит певец и дремлет, пока идет увертюра. Все, что происходит с ансамблем, указывает на образ ворона: приподнятая крышка рояля, кларнетист, который встает с места и начинает наигрывать на ухо певцу... Музыканты должны быть в черном, ключевое слово «Nevermore» они произносят хором, наклоняясь к роялю, чтобы

Фотограф: Екатерина Шукина

было эхо и струны резонировали. То есть действие разыгрывается в равной степени певцом и ансамблем. Притом я понимал, что музыканты — актеры неважные, поэтому старался все сделать так, чтобы особенно их не напрягать.

Но при подготовке теперешней постановки режиссер Елена Артюхина проявила бездну фантазии. Я еще не видел результата, но верю ей — мне нравится, как она говорит и как мыслит. Елена — очень творческий человек; когда она прислала мне по электронной почте план, то я подумал, что произошла ошибка и речь идет не о моей опере. Против того, что из «Nevermore» она превратилась в «Ворона», я не возражал; но герой стал поэтом, и еще откуда-то три ведьмы возникли. Будут декорации, дополнительные персонажи и костюмы — все это весьма далеко от той аскетичной постановки, о которой думал я.

Каким образом сейчас возникла возможность подобной постановки?

Благодаря комитету по культуре правительства Москвы. Существующая система грантов помогает осуществить очень многое. Когда мы готовили программу «Цвет — Символ — Звук», то обратились туда, получили грант и сделали очень любопытный мультимедийный спектакль (см. рецензию в номере «Газеты» от 14 апреля). Это было дорого — аренда видеопроектора, десять репетиций вместо обычных четырех, синхронизация с фонограммой... Сейчас заявку на грант подал театр «Арбат-опера», которым руководит Ольга Тимофеевна Иванова; получив его, они решили ставить наши оперы на сцене театра Покровского. За пультом будет молодой

дирижер Дмитрий Банаев, выпускник Государственной классической Академии имени Маймонида, ученик Владимира Понькина.

Работая над оперой, вы наверняка рассчитывали на то, что она будет исполняться силами Московского ансамбля современной музыки, которыми вы руководите?

Да, и инициаторы теперешней постановки тоже. Но потом выяснилось, что наш ансамбль не укладывается в смету, она и без него вся расходуется на декорации и прочее. А одними только силами театра Покровского мы бы не обошлись, ведь современная музыка требует знания многих приемов вроде двойных флажолетов — на деревянных духовых — или игры за подставкой и на подгрифнике — на струнных. Позже оказалось, что наш ансамбль все же смог бы там сыграть, потому что пригласить группу солистов РНО (Российский национальный оркестр) или НФОР (Национальный филармонический оркестр России) еще дороже. Еще в одном оркестре хуцрук был категорически против. Теперь речь идет о музыкантах «Геликон-оперы», и я на них надеюсь: все же они играли «Лулу» Берга и должны разбираться в современной опере.

А как заинтересовать публику современной оперой?

Главная проблема в композиторах, а не в публике. Почти все современные оперы — и российские, и зарубежные — исключительно статичны. Авторы упираются в музыку и совсем не думают о сценическом действии. Апофеоз того, о чем идет речь, — опера «Макбет» итальянца Сальваторе Шниарино, которую я ви-

дел в Париже. Он чересчур увлекается тиражированием своих же приемов из сочинения в сочинение, зато его поддерживает Пьер Булез. И в первом акте «Макбета» солисты поют, стоя на железных подставках, закрепленных параллельно земле, будто паря над ней. Во втором акте поют будто закопанные в землю, находясь под сценой, — только головы видны. Это статика, доведенная до абсурда, два часа без перерыва. Когда опера написана сложным языком — не беда, но если действие при этом статично — пиши пропало. Я знаю много таких опер, зато я не знаю композиторов, которые были бы одновременно талантливыми режиссерами. И когда они пишут оперу, то думают только о музыке, а уж режиссер там пусть что-нибудь придумывает... Это прозвучит банально, но композитор должен писать оперу в расчете на сценическое действие.

«Дети Розенталя» могли бы иметь такой же успех, если бы не попытки запретить постановку в Большом?

Сложно сказать, я слышал только фрагменты оперы. Но я бы предположил, что могли: Леонид Десятников с самого начала работал в связке с автором либретто; возможно, в меньшей степени с постановщиком. А когда опера создается композитором в тесном контакте со всеми участниками процесса, то это приводит к успеху, если они талантливы. И поскольку опера была заказана Большим театром, то не могло быть такой ситуации, что композитору дают либретто, а он пишет музыку, больше ни о чем не думая. Но это, к сожалению, редкий случай: обычно опера пишется, а спустя многие годы кто-то собирается ее поставить.

Только успеха не будет, если опера статична.

А ваша?

Моя тоже, но она все-таки короткая, минут тридцать пять. Я заранее понимал, что от статички никуда не денешь, поэма Эдгара По диктует нам такое решение, но старался музыкой держать слушателя в напряжении — даже если он к такой музыке не привык. Вокальная партия, как ни странно, приближена к бельканто, она именно поется, хотя речитативы тоже есть. И если ты осознаешь, что действие неизбежно получится статичным, то можешь придумать, как это преодолеть.

Что побудило вас и Фараджа Караева играть две оперы в один вечер?

Во-первых, мы оба члены Ассоциации современной музыки, и в чем-то главным близки, хотя и пишем в разном стиле. Во-вторых, желание поработать по принципу контраста, ведь две похожие оперы слушать подряд было бы невозможно. У меня есть певец, а в опере Фараджа певцов вообще нет, зато в обоих случаях играет ансамбль солистов: только у Караева ансамбль сидит в яме, а на сцене — четыре инструменталиста.

На какую посещаемость вы рассчитываете?

Сложно сказать — сделать вход бесплатным в данном случае невозможно, хотя я был бы рад: современную музыку ходят слушать и преподаватели, и студенты — для них это работа, и покупать на нее билет как-то странно. Так что на аншлаге не рассчитываю, но в среде музыкантов про эти оперы знают, и определенная интрига тут существует.

Каспаров Юрий (Музыкальный)